

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО

Память о прошлой любви

— Петр Ефимович, вы воевали, награждены орденами Отечественной войны I и II степени, были ранены... Скажите, военная биография как-то повлияла на выбор вами мирной профессии?

— Да, безусловно. Начнем с того, что в 1941 году я работал в Саратовской области в колхозе. Мужчины ушли на фронт, и мы, тогда еще мальчишки, помогали женщинам и старикам во всем. С тех самых пор меня волнует тема земли, мужицкого труда как некоего корневого основания жизни.

В начале января 1943 года меня призвали в армию — сначала направили в Саратовское военно-пехотное училище, а прямо оттуда — на 1-й Белорусский фронт. Командовал минометным взводом, прошел от Ковеля до Эльбы, участвовал в исторической встрече с американскими солдатами.

Как-то мы вели бои в районе Штеттина. Немцы ушли за Одер, и вот раннее утро, рядом с нашей колонной останавливается грузовик, из него выбирается военный с кинокамерой и начинает нас снимать — усталых, измученных. Я тогда впервые увидел живого кинооператора. И вдруг подумал: кончится война — тоже стану кинооператором.

— И фронтовая мечта сбылась?

— Да, в 1951 году я окончил операторский факультет ВГИКа, снимал как оператор известные фильмы «Весна на Заречной улице», «Два Федора», прекрасный, к сожалению, редко демонстрирующийся фильм «Жажда» молодого тогда режиссера Евгения Ташкова. Потом как-то органично я перешел в режиссуру. В 1965 году снял первый фильм — о моем друге Юрии Никитине, прекрасном парне, который погиб через несколько дней после того, как мы попали на фронт, от пули снайпера. Фильм называется «Верность».

— Что вас волнует прежде всего при работе над военными фильмами?

— Я не отношусь к кинорежиссерам, которые мечутся в поисках тем. Война мною пережита, и что бы я ни снимал, почти всегда в фильме есть мотив, пусть даже интонация о войне. Мне неинтересно, а может быть, просто не дано снимать батальные картины, операции боя, хотя я все это хорошо знаю. Да и главное для меня не в этом. Война была жизнью — вот что важно, об этом все как-то забывают. Человек, будь он в эшелоне, на передовой или в обороне, оставался человеком. А на войне человек узнается очень быстро — друг он или трус, честный или лодырь. Нравственная сторона бытия, суть, или то, что точнее можно назвать внутренней сущностью войны, интересует меня больше всего. Самая великая тайна — внутренняя готовность к подвигу. Об этом был мой фильм «Верность».

Сегодня надо рассказывать о войне не словами, а чувствами, только эмоциональный ряд поможет включить зрителя в акт сопереживания. Это после, выйдя из кинотеатра, зритель может задуматься, что и проблемы, и идея в фильме есть, но в зале он должен сопереживать. Вы помните сюжет «Верности»? Вся история-то: ну влюбился мальчишка в первый раз, только начали встречаться, а

Фильмы кинорежиссера Петра Ефимовича Тодоровского, чье творчество так или иначе связано с военной темой, не раз получали призы на всесоюзных и международных кинофестивалях. В августе режиссеру исполнилось 60 лет. За заслуги в развитии советского киноискусства Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил Петру Ефимовичу Тодоровскому почетное звание «Народный артист РСФСР». Мы публикуем интервью с режиссером.

война разорвала любовь — и мы уже видим Юру Никитина, идущего в атаку. Вот и вся история.

Но мы с Булатом Окуджавой, когда писали сценарий, хотели рассказать в этой истории и о другом — о том, с каким западом нравственных чувств уходит человек на войну. Мы хорошо знали этих мальчишек. Почти весь 21, 22, 23, 24-й годы остались там... О них должен напоминать экран.

— А как, по-вашему, сделать современный военный фильм, чтобы он был интересен сегодняшним молодым? Ведь зритель идет на фильм, исходя из названия.

— К слову сказать, из-за названия на первых просмотрах чуть не «погорел» «Военно-полевой роман». Называется фильм, как в румынском прокате, — «Память о прошлой любви», сами понимаете, зал был бы полнее. Но роман-то все-таки военный.

Я убежден: сейчас о войне надо рассказывать так, чтобы это было понятно молодому поколению. В этом смысле мне необыкновенно дорог Василь Быков: Молодежь должна понимать все, в том числе и то, что война была тяжелой. Сейчас не знают цену крошкам хлеба, а мы, восемнадцатилетние, ее знали. Надо поведать с экрана о том, как это страшно — встать и побежать навстречу пулеметному огню! Я убежден: каждый солдат, бежавший навстречу огню — Герой Советского Союза.

— Фильм «Военно-полевой роман» как бы продолжает вашу первую картину... Как и «Верность», это фильм о любви и о войне. Есть в нем автобиографические черты?

— Когда писатель или драматург берется за перо, он в первую очередь берет на вооружение свою память и начинает ворошить ее. Мы были молоды тогда, и не потому даже многое запомнилось, что были молоды, а потому, что молодая

память все впитывает как-то особенно живо, сочно. Я помню мы стояли в обороне на Висле, кухня приезжала раз в сутки, ночь мы не спали и часто слышали из землянки юмбата патефон

и женский смех, что это было для нас, мальчишек? Мы понимали, что люди любят, счастливы, я видел раз возлюбленную юмбата, скачущую на лошади, и это крепко врезалось в память. А потом, когда учился на первом курсе ВГИКа, проходил мимо ЦУМа, и меня остановил женский смех. Я обернулся — на углу стояла женщина в ватнике и торговала пирожками. Рядом сидела девочка, закутанная в платок. Мне показалось, что это была она — та самая Люба Антипова. Помимо моей воли, произошло как бы замыкание этих двух эпизодов. Я все время возвращался к ним, записывая воспоминания, эпизоды. Так и возник сценарий фильма «Военно-полевой роман».

Если фильм «Верность» посвящен тому, с чем уходил человек на фронт, то «Военно-полевой роман» рассказывает о том, с чем он возвращается с войны. Война кого-то ломала, а кого-то делала нравственно цельнее. Происходило чудо — человек переживал самое страшное и все же сохранял неистощенным запас доброты и благородства. Трудно было восстанавливать разрушенные города, но еще труднее — восстановить израненные человеческие души. Простая история возвращения к жизни изверившейся женщины — это и обращение ко всем нам, чтобы не исчезли для нас понятия доброты, порядочности, чтобы мы не боялись подставить плечо не только родственнику, другу, а просто чужому человеку; если тот попал в беду. Неравнодушие к чужой беде учила нас война.

Я благодарен актерам Инне Чуриковой, Наталье Андрейченко, Николаю Бурляеву, Зиновию Гердту, которые, я знаю, отдавали фильму все силы. Только при полном взаимопонимании возможно на съемочной площадке то, что зовется замечательно-творческим процессом. Мы все были объединены одной целью — рассказать о поколении, которое все вынесло. О людях истинной интеллигентности, которая измеряется, по-моему, способностью принять боль постороннего человека.

О поколении идеалистов, чистых душой, был когда-то и мой фильм «В день праздника». Я все больше убеждаюсь, что корни этой интеллигентности — в земле, в крестьянском труде.

— Петр Ефимович, вы сказали о своем поколении. Встречи с какими людьми вам были особенно дороги?

— Мне очень повезло в жизни на хороших людей. Мои друзья — это Григорий Поженяи, Булат Окуджава, Зиновий Гердт, Марлен Хуциев, Гена Шкалик, который хоть и был моложе всех нас, но тоже «родом из войны».

Эти встречи сыграли огромную роль в моей жизни в смысле понимания искусства, приобщения к поэзии, музыке. Лукаво говоря, я убежден, что режиссер должен если не все знать, то по крайней мере обо всем догадываться. Подумайте, время было тяжелое, самообразованием в войну заниматься, книги читать некогда было. Все нужно было наверстывать после войны. И мы терпеливо, настойчиво, самозабвенно наверстывали. У всех нас общее прошлое — война. Тогда мы были очень молоды...

Н. РТИЦЕВА.